

УДК/UDC 101.1; 130.2

Герменевтика и аналитическая философия в контексте прагматики философского текста

Еникеев Анатолий Анатольевич

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

Краснодар, Россия

e-mail: rizoma69@yandex.ru

SPIN-код: 3969-6556

Аннотация

Работа посвящена определению роли герменевтики и аналитической философии языка в решении проблемы прагматики философского текста. Прагматика философского текста понимается как часть современных исследовательских трендов в области гуманитарной культуры. Герменевтика и аналитическая философия, наряду с постмодернизмом, являются наиболее востребованными «дискурсивными практиками» в области философии текста. В работе рассматриваются и анализируются три основных ракурса взаимодействия данных дискурсивных практик: 1) институциональный характер современной философии текста; 2) коммуникативные стратегии развития гуманитарного дискурса современности; 3) сдвиг «эпистемологической парадигмы» современных исследований в области философии культуры. Проводится сравнительный анализ западных и отечественных концепций прагматики философского текста. Делается вывод, что прагматика философского текста, в качестве актуальной проблемы современных исследований, является выражением «лингвистического поворота» в философии XX века и отвечает требованиям современной постмодернистской культуры.

Ключевые слова: философия языка, прагматика текста, герменевтика, аналитическая философия, постмодернизм.

Hermeneutics and Analytical Philosophy in the Context of the Pragmatics of a Philosophical Text

Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich

Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: rizoma69@yandex.ru

SPIN Code: 3969-6556

Abstract

The paper covers the determining of the role of hermeneutics and analytical philosophy of language in solving the problem of pragmatics of a philosophical text. The pragmatics of the philosophical text is understood as part of modern research trends in the field of humanitarian culture. Hermeneutics and analytical philosophy, along with postmodernism, are the most popular “discursive practices” in the field of text philosophy. The paper considers and analyzes three main perspectives of interaction between these discursive practices: (1) the institutional nature of the modern philosophy of text; (2) communicative strategies for the development of contemporary humanitarian discourse; (3) a shift in the “epistemological paradigm” of modern research in the field of cultural philosophy. A comparative analysis of Western and Russian concepts of pragmatics of the philosophical text is carried out. It is concluded that the pragmatics of the philosophical text, as an actual problem of modern research, is an expression of the “linguistic turning-point” in the philosophy of the 20th century and meets the requirements of modern postmodern culture.

Key words: philosophy of a language, pragmatics of a text, hermeneutics, analytical philosophy, postmodernism.

Введение (постановка проблемы). Культурная парадигма XX-XXI века выдержала ряд преобразований, обусловленных потребностью решения проблемы «легитимации и институционализации философского дискурса». В специальной научной литературе этот процесс получил название «лингвистический поворот» и его главной характеристикой стала обновленная методологическая программа философии языка

и текста [1 — 3]. Данная программа реализовывалась несколькими философскими и гуманитарными институциями. Наибольший вклад, нам представляется, был внесен «формальной школой» в России, «венским логико-философским кружком» в Австрии, развитием феноменологической и герменевтической традиции в Германии, «структурализмом» во Франции, деятельностью «пражского лингвистического кружка» в Чехии, аналитической философией в Великобритании и США [4]. Общим результатом явилось мощное обновление «философского словаря» и расширение методологии гуманитарных исследований, что позитивно сказалось на развитии философского дискурса XX и XXI века, которому оказались не страшны «разрушительные интеллектуальные инвестиции» со стороны постструктурализма и постмодернизма [3, 5].

Своеобразным результатом подобного «сдвига» культурной парадигмы в философии XX века через призму герменевтики и аналитической философии (явление, которое и получило название «лингвистический поворот») стало повышенное внимание со стороны гуманитариев к проблеме «прагматики философского текста». Одними авторами прагматика текста связывается с решением постмодернистской проблемы «чтения» и «письма» в контексте многообразия жанров философского дискурса [4 — 7], другие говорят о «коммуникативной природе» философского дискурса [8, 9], третьи связывают прагматику текста с эпистемологическими проблемами современной аналитической философии [10 — 12]. Вполне очевидно, что недостаточно изученными в этом контексте остаются вопросы взаимодействия герменевтики и аналитической философии в перспективе развития философии языка, а также оценка их роли в процессах формирования современной прагматики философского текста. Изучению этой проблемы посвящено представленное исследование.

Цель и задачи исследования. Целью представленной работы является описание логики и динамики взаимодействия аналитического и герменевтического дискурса в контексте развития философии языка и формирования прагматики философского текста. Проблема коммуника-

ции герменевтического и аналитического дискурса в контексте развития гуманитарной парадигмы XX века обычно изучается в трех связанных между собой аспектах.

(1) Институциональный аспект взаимодействия континентальной и англосаксонской философских традиций [12, 13].

(2) Коммуникативный аспект философского дискурса в контексте проблемы понимания и интерпретации текста.

(3) Логика развития аналитической философии в контексте «сдвига эпистемологической парадигмы» в современном гуманитарном дискурсе [3, 11].

Кроме этого, открытым остается вопрос о перспективах развития отечественного философского дискурса, определение роли философии в современных коммуникативных процессах современности. Обозначенные вопросы и аспекты могут рассматриваться в качестве задач нашего исследования.

Методология исследования. В качестве методологических установок нашего исследования следует обозначить две основные парадигмы: герменевтическую и аналитическую. Герменевтическая парадигма исследования прагматики философского текста связана с переосмыслением роли и значения категории «текст» в пространстве философского знания. Понимание и интерпретация здесь трактуются не столько как процедуры субъективной реализации сознания, сколько как фактические константы (эпистемологические дескрипторы) самого текста. В этом смысле философский текст вступает в интертекстуальную коммуникацию с другим текстом, сознание автора или читателя здесь выступает не более чем посредником в развитии данной среды [4, 8]. Вторая методологическая парадигма связана с развитием аналитических процедур понимания философского текста. Здесь реализуется не только критическая функция философского дискурса, стремящегося показать «слабые места» современных гуманитарных практик [7, 14], но также определяется перспективность исследований в области прагматики философского текста применительно к российскому гуманитарному дискурсу [15 — 17].

Исследовательские вопросы.

(1) Институциональная роль герменевтики в современном гуманитарном познании.

В. Куренной, изучая логику развития немецких университетов, дает исчерпывающую характеристику ситуации, которая сложилась на рубеже XIX-XX веков в гуманитарных науках относительно. Во-первых, немецкая университетская образовательная среда должна была учитывать влияние Просвещения, в качестве мощного фундирующего принципа, который со времен И. Канта активно вмешивается в «спор факультетов». Во-вторых, немаловажным оказывается фактор под общим названием «университет Гумбольдта», понимаемый в данном случае как совмещение преподавания и исследования, что по мысли В. Куренного является важнейшим институциональным фактором. «Принцип исследования является, по сути, институциональной нормой, воплощающей эпистемологические стандарты антисистемного, открытого образа научного знания» [13, с. 13]. И, в-третьих, динамика происходящих в гуманитарной культуре определялась своеобразным «разрывом коммуникативного пространства» (терминология В. Куренного), преодоление которого, посредством функции понимания, является прерогативной зарождающейся тогда герменевтики.

Разрыв коммуникативного пространства немецкой академической среды, по мысли В. Куренного, возник под влиянием двух факторов: необходимости изменений «эпистемологических стандартов знания» и «сциентизации» гуманитарной науки (или совокупности «наук о духе», как их трактовали неокантианцы). Данные процессы, естественным образом, касались и философии, особенно философии культуры. «Тенденцию к сциентизации гуманитарного и, шире, философского познания в XIX в. следует, на мой взгляд, рассматривать как попытку выхода из ситуации разрыва коммуникативного пространства, в которую институционализированная философия была поставлена в результате расцвета множества конфликтующих систем в рамках немецкой классической философии. . . » [13, с. 8]. К этим двум факторам следует добавить третий –

зарождение «психологизма» (и проблема его преодоления в философии культуры) в качестве универсальной междисциплинарной парадигмы решения ряда важных для гуманитарных наук того времени вопросов.

Таким образом, «коммуникативная нормализация философского дискурса» и создание новой «эпистемологической модели» познания культурной реальности привели к двум обстоятельствам, без которых культурная парадигма XX и XXI вв. была бы невысказана. Во-первых, это решение проблемы преемственности философского знания. «Проблема преемственности в развитии философского знания и его интерсубъективная значимость является с этого момента той осью, вокруг которой осуществляется кристаллизация основных философских инноваций вплоть до логического позитивизма» [13, с. 12]. И, во-вторых, это решение проблемы «открытости» философского знания, которая выражалась в выходе за пределы замкнутых академических философских систем в область широких социальных и культурных практик.

Все это стало возможным благодаря «понимающей функции» философии и решению проблемы «герменевтического круга». «Однако та же категориальная пара части и целого, использованная в модели герменевтического круга, имела более перспективное будущее. Вместо загадочной несводимости целого к частям возникает чисто эпистемологическая процедура перманентного понимающего движения от частей к целому и обратно. Будучи методологически проработано, это движение обретает форму бесконечной исследовательской задачи» [13, с. 13], говорит об этом В. Куренной. Таким образом, методологический арсенал философии обогатился «открытыми» социальными и культурными технологиями производства социально-значимого знания, которые в полной мере проявились в XXI веке, обеспечив привлекательную коммуникативную ситуацию для философии в пространстве культурных практик современности [9, 11, 14].

В целом мнение В. Куренного является обоснованным и убедительным в вопросах интерпретации «эпистемологической ситуации» в гуманитарных науках XX-XXI вв. Он довольно точно определил ту роль, ко-

торую на рубеже XIX-XX вв. сыграла герменевтическая методология в решении целого ряда важнейших для XX века языковых проблем, включая проблему прагматики текста и его места в гуманитарной культуре современности. Также следует добавить, что языковая и текстуальная проблематика, в том числе в рамках развития герменевтики, очень часто оказывается той универсальной (и, что немаловажно, ценностно нейтральной и понятийно корректной) областью исследований, которая позволяет сохранять «чистоту» научного дискурса и в то же время способствовать развитию самых разнообразных форм философского дискурса, способствуя их актуализации в пространстве культуры.

(2) Проблема легитимности философского дискурса в герменевтике.

Г. -Г. Гадамер, говоря о необходимости «легитимации» философского дискурса при решении вопроса истинности наших суждений, указывает на то обстоятельство, что именно проблема понимания позволяет нам использовать «герменевтический феномен» в качестве такого легитимирующего для философии начала. «Актуальность герменевтического феномена основывается, с моей точки зрения, на том, что лишь углубление в феномен понимания может привести к подобной легитимации» [18, с. 39]. Заметим также, что Г. Гадамер, говоря о «феномене понимания» в широком феноменологическом и герменевтическом контексте, прокладывает мостик к теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, предвосхищая его опыт обоснования легитимирующей функции философии [См. 7].

Сам же Г. Гадамер уверен, что герменевтическая проблематика при своем возникновении в процессе «методологического обновления» гуманитарных наук второй половины XIX в. претендовала на решение проблем широкого спектра человеческого опыта. «Понимание и истолкование текстов является не только научной задачей, но очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом» [18, с. 38]. Важно в этом утверждении то обстоятельство, что Г. Гадамер говорит о понимании и интерпретации прежде всего текста, предвосхищая

установку структурализма и постструктурализма на текстуальную репрезентацию любого возможного человеческого опыта. В этом смысле можно утверждать, что прагматика философского текста, как проблема гуманитарных исследований, возникла не в аналитической философии XX века, а в герменевтике на рубеже XIX-XX вв.

Также для Г. Гадамера важным является прагматичное на первый взгляд признание языка в качестве подлинной среды герменевтического опыта. В этой связи герменевтический опыт – это опыт понимания, который происходит в языке и благодаря языку, тем самым реализует прагматические установки социальной коммуникации индивидов. На первый план здесь выходит чисто прагматическая проблема текста, посредством которого осуществляется подобный «опыт понимания», также актуализируется пространство диалога между текстом и его интерпретатором или между двумя собеседниками, стремящимися понять друг друга в процессе культурной коммуникации. Г. Гадамер проводит широкие аналогии между текстом и языком, между текстом и переводом, между двумя языками, в конце концов, между жизненными и культурными мирами двух разговаривающих людей. Такой широкий контекст герменевтической проблематики позволяет проводить параллели между языком, речью, текстом, смыслом, жизненным миром, общим делом, которые замыкаются в своеобразном «герменевтическом круге» культуры.

Обобщая взгляды Г. Гадамера, можно представить себе картину, в которой язык как среда общения и любого возможного взаимодействия оказывается первичным по отношению к возникающему диалогу. В свою очередь диалог, будучи производным от различных жизненных условий, в которых оказались собеседники, создает общее смысловое и прагматическое пространство понимания. Собеседники понимают друг друга не непосредственно (хотя возможность онтологического предпонимания, вслед за М. Хайдеггером, Г. Гадамер также допускает), но посредством текста своей беседы (речи), в этой же плоскости находится диалог между читателем и текстом, который является, по сути, диалогом между двумя людьми, разделенными во времени.

Г. Гадамер для описания данной ситуации вводит специальное понятие «герменевтический разговор». «Таким образом, можно с полным правом говорить о герменевтическом разговоре. Из этого следует, однако, что герменевтический разговор, как и настоящий разговор, должен выработать некий общий язык и что это вырабатывание общего языка в столь же малой мере, как и при устной беседе, является подготовкой какого-то инструмента, служащего целям взаимопонимания, но совпадает с самим процессом понимания и взаимопонимания. Текст дает языковое выражение некоему делу, но то, что ему это удастся, – заслуга интерпретатора. Участвуют обе стороны» [18, с. 451]. Так понимаемый «герменевтический разговор» предвосхищает дискуссии о сущности коммуникативных процессов в современном информационном обществе, когда преодолевается инструментальная составляющая языка и утверждается, вслед за М. Маклюэном, что «средство коммуникации есть сообщение» [9, с. 9].

Легитимность философского дискурса остается важной и не до конца решенной проблемой современной философии культуры. Здесь можно наметить три основных тенденции развития философского дискурса. Первая связывается с развитием в духе постмодернизма всего множества стратегий порождения и интерпретации философского текста [7, 19]. Вторая тенденция говорит о легитимности философского дискурса в контексте коммуникативного и прагматического «сдвига» культурной парадигмы современности [8, 9, 16]. Третья связывает философский текст с общей логикой развития герменевтической, аналитической и других гуманитарных практик работы с «текстом культуры», тем самым реализуя еще не исчерпанный методологический потенциал этих философских направлений [1, 4, 17].

(3) Аналитическая и герменевтическая традиция в диалоге о языке.

Иной стратегией развития философии языка и текста является аналитическая философия, особенно в той ее версии, которую развивал Л. Витгенштейн и его последователи. Л. Витгенштейн, используя собственную герменевтику, видел в языке некую «тайну», требующую

своей расшифровки (интерпретации) и понимания [20]. Некоторые исследователи вполне справедливо указывают на связь идей позднего Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера. «Методологическая тайна (герменевтической) феноменологии М. Хайдеггера основана на замеченной также и Л. Витгенштейном тайне языка, согласно которой мы, в сущности, не можем говорить о его внутренней форме, а, в конечном счете, можем лишь выявлять эту форму, повторяя его набросок и путем вслушивания пуская в ход имманентную ему «энергейю». Поэтому не случайно феноменология М. Хайдеггера до определенной степени приближается к терапевтически-языковой философии позднего Витгенштейна...» [21, с. 58].

Витгенштейн, развивая принципы собственной «лингвистической философии», своеобразно интерпретировал основные положения герменевтики. Во-первых, Л. Витгенштейн отличным от герменевтики образом использовал процедуру «понимания». Для Л. Витгенштейна понимание всегда связано с конкретным языковым выражением (текстом), точнее с особенностями его использования в повседневности. По сути дела, речь идет о прагматической семантике, когда смысл текста становится понятным в том случае, если интенция данного текста (его побуждающее действие) достигает своей цели. В этом случае вся герменевтическая проблематика текста может быть сведена к условиям «правильного употребления» языка. Это позиция раннего Л. Витгенштейна, которая нашла воплощение посредством «Логико-философского трактата» в принципах логического атомизма Б. Рассела, но не устраивала самого мыслителя в поздний период его творчества [22].

Во-вторых, как говорил «поздний» Л. Витгенштейн, язык используется нами в качестве своеобразного посредника в богатом разнообразии человеческой деятельности, но используется всегда «контекстуально», то есть то или иное языковое выражение всегда привязано к условиям его прагматического употребления. В этом смысле понятие высказывание (как текст) можно только зная сопутствующий ему контекст, и наоборот (здесь также можно увидеть своеобразную трактовку «герме-

невтического круга»). Это обстоятельство привело к появлению важного для философии позднего Л. Витгенштейна концепта «языковых игр» как вида философской деятельности по «прояснению мыслей». Более того, все разнообразие человеческой деятельности можно свести к проблеме «языковых игр», поскольку язык всегда опосредует процесс коммуникации между людьми. Герменевтический анализ окружающего мира в этой связи возможен лишь посредством анализа и понимания условий осуществления той или иной «языковой игры».

В-третьих, краеугольным камнем философии языка Л. Витгенштейна стали его «предложения верования», которые выходили за рамки логического анализа языковых выражений и требовали введения понятия «жизненный мир», что в очередной раз возвращало Л. Витгенштейна (например, когда он пытался понять идеи Ф. М. Достоевского или Л. Н. Толстого) к «философии жизни» XIX в. Выход был найден Л. Витгенштейном через введение в обиход так называемой «трансцендентально-мистической формы языка» [21, с. 73]. Именно это понятие встраивается в один ряд с «жизненным миром» Э. Гуссерля, «бытием-в-мире» М. Хайдеггера и вообще герменевтической традицией XX в. В этом смысле позднему Л. Витгенштейну пришлось пожертвовать своими ранними претензиями и попытками средствами логического анализа языка достичь «абсолютной ясности и прозрачности» [20, с. 3] любых языковых выражений, особенно в области философии.

И все-таки важным «герменевтическим» вкладом теории Л. Витгенштейна является то обстоятельство, что он подчеркивал деятельный (сугубо «прагматичный») характер самой философии, она является процедурой прояснения и понимания текста, а не просто созданием новых предложений. «Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии не «философское предложение», а достигнутая ясность предложений. Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми» [20, с. 24]. Такая языковая установка Л. Витгенштейна потребо-

вала определенного времени и интеллектуальных усилий для включения в актуальные практики гуманитарной культуры современности.

(4) Современные дискуссии о прагматике философского текста.

Заслуживает внимания взгляд на проблему со стороны К. -О. Апеля, который наметил следующие перспективы развития герменевтики Л. Витгенштейна. «Если описание языковых игр как единств языкового употребления, жизненной формы и освоения мира должно позаимствовать функцию герменевтического понимания смысловых интенций, то именно типу языковой игры, соотнесенной с другими языковыми играми, предстоит стать ключевой проблемой для герменевтики, исходящей от Витгенштейна» [21, с. 93]. К. Апель перечисляет тот широкий гуманитарный контекст, который появляется при использовании герменевтического метода в контексте развития идей Л. Витгенштейна. «О герменевтических языковых играх в духе Л. Витгенштейна можно говорить, например, в случае рассказа о пережитой или передаваемой традицией историей, перевода в рамках единого диалога, истолкования древнего текста. . . С другой стороны, к ней следует причислять следующие виды деятельности, где находит свое применение герменевтическое понимание: проповедь, лекция, школьное занятие, судебная речь, театральная или концертная постановка, выставка произведений изобразительного искусства. . . » [21, с. 94]. Вполне очевидно, что опыт понимания языковых игр Л. Витгенштейном сближает его позицию со взглядами Г.- Г. Гадамера, поскольку и в том и в другом случае требуется «опосредованность традицией» (культурным контекстом), в том числе традицией «работы» с философским текстом.

Некоторые современные отечественные аналитики также уверены в перспективности концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна, как для развития философии языка и текста, так и в качестве рабочей методологии социокультурного познания. Среди представителей «поздней» герменевтики (К.- О. Апель, Ю. Хабермас) сложилось устойчивое мнение, что витгенштейновская концепция «языковых игр» не может быть использована при интерпретации исторических текстов, древних руко-

писей, для понимания культурных феноменов далекого прошлого, для усвоения смысловых элементов чужой цивилизации. В качестве аргументов приводятся суждения о том, что «языковые игры» Л. Витгенштейна представляют собой замкнутые, автономные, «монадические» системы коммуникации, никак не связанные друг с другом. В результате проблематичной, по сути неразрешимой оказывается ситуация трансляции, переводимости, взаимоперехода различных языковых игр, то, что для герменевтики является первоочередной задачей. Однако несмотря на то, что Л. Витгенштейн мало рассуждает в своих текстах о возможности посредничества между «языковыми играми», тем не менее работа, проведенная исследователями и комментаторами творчества австрийского мыслителя, помогла реконструировать некоторые мысли, высказанные им по данной проблеме, и сформировать «витгенштейновскую методологию социокультурного познания» [23].

Можно согласиться с мнением Н. В. Медведева, высоко оценивающим вклад Л. Витгенштейна в современный философский дискурс. «Следует подчеркнуть, что в настоящее время эпистемология позднего Витгенштейна вызывает все больший интерес у специалистов различных областей знания. Техника «языковых игр» находит применение при анализе проблем, связанных с современными программами искусственного интеллекта, при разработке методологии социокультурного познания. Витгенштейновский метод стал одним из важных источников обоснования теории научных революций Т. Куна, концепции неявного знания М. Полани, представляющих историческое направление современной англо-американской науки (постпозитивизма). К этому следует также добавить, что американский исследователь Э. Тисельтон показал возможность практического использования концепции «языковых игр» в экзегетике библейских текстов» [23, с. 162].

Американский исследователь, представитель современного прагматизма Р. Рорти рассматривает процесс эволюции гуманитарного дискурса современности в контексте сдвига философии языка от эпистемологической функции к герменевтической. Этот сдвиг является эпохальным

для современной культуры, поскольку меняет ландшафт нашего мышления и особенности понимания ситуации, в которой мы оказались. «Я полагаю, что взгляд, согласно которому эпистемология или некоторая наследующая ей дисциплина необходима для культуры, смешивает две роли, которые мог бы играть философ. Первая – это роль информированного дилетанта, полиграмматика, сократического посредника между различными дискурсами. В его, так сказать, салоне у герменевтических мыслителей выводятся их самодостаточные практики. Разногласия между дисциплинами и дискурсами сглаживаются или превосходятся в ходе разговора. Вторая – это роль надзирателя, который знает общие основания для всего, – роль философа-царя Платона, который знает о том, что на самом деле делают остальные, независимо от того, знают они об этом или нет, потому что он знает все об окончательном контексте (Формы, Ум, Язык), в рамках которого они делают это. Первая роль сродни герменевтике, а вторая – эпистемологии» [14, с. 235].

В этой связи Р. Рорти пересматривает функцию «герменевтического разговора», как его трактовал Г. Гадамер. Герменевтический разговор необходим не для того, чтобы найти те общие культурные «контексты», которые позволят совместить высказывания участников разговора, слить их тексты в общий культурный контекст. Герменевтический разговор, по мысли Р. Рорти, необходим для сохранения разногласий в качестве плодотворного основания развития коммуникативной культуры. Этим он принципиально отличается от эпистемологической функции философии языка, озабоченной поиском рациональных прагматичных оснований человеческого взаимодействия. «Герменевтика рассматривает отношения между различными дискурсами как отношения между частями проблемы в возможном разговоре, разговоре, который не предполагает дисциплинарной матрицы, объединяющей участников разговора, но где надежда на соглашение не теряется, пока идет разговор. Эпистемология рассматривает надежду на согласие как знак существования общего основания, которое, будучи наверняка неизвестным для говорящих, объединяет их в общей для всех рациональности» [14, с. 235].

В этой связи прагматика философского текста получает в аналитической традиции «расширительное понимание» через распространение методов герменевтики (герменевтического круга, герменевтического разговора, понимания и интерпретации в культурном диалоге) на широкий контекст культурных «сдвигов современности». Это могут быть «эпистемологические сдвиги» [10, 13, 14] или «коммуникативные тенденции» развития современной гуманитарной культуры [7, 8, 10, 15], но так или иначе они исходят из того «лингвистического поворота» в современной философии [1 — 4], последствия которого требуют дальнейшего осмысления и исследования.

Заключение (выводы). Акцентируя внимание на процесс сближения герменевтики и аналитической философии в вопросе о прагматике философского текста, можно сделать следующие выводы. Принципиальным для современного философского дискурса (в том числе российского) является решение вопроса об институциональном статусе и эпистемологических притязаниях гуманитарных и культурных практик современности. Герменевтика долгое время (начиная с конца XIX века) являлась лидирующей методологической установкой в вопросе о философии языка и текста, впоследствии ее дополнил прагматический подход к тексту со стороны аналитической философии языка и философской лингвистики. Однако у аналитической философии оставались и свои нерешенные вопросы о природе сознания, специфике деятельности и статусе повседневного языка, которые решались с переменным успехом как в реалистических, так и натуралистических направлениях [См. 5, 22].

«Лингвистический поворот» в философии XX века оказался важным этапом развития как аналитической философии языка, так и современной философии текста. Это обстоятельство позволило аналитической традиции достойно встретить «вызовы» постмодерна, здесь можно согласиться с А. Грязновым, считавшим, что «постмодернизм взбудрил аналитическую философию» [5, с. 363]. В современном российском философском дискурсе данная проблема решается за счет развития коммуникативных стратегий понимания и истолкования текстов культуры [11,

16]. И все же, несмотря на имеющийся на западе опыт толкования проблем философского текста, как в прагматизме [14], так в герменевтике [18] или коммуникативном дискурсе [8], в России продолжают дискуссии о характере и специфике прагматических стратегий понимания философского текста [17], что является важным показателем позитивных сдвигов отечественного гуманитарного дискурса.

Список литературы

1. Еникеев А. А. От герменевтики к философии текста: логика развития лингвистической философии XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 3. С. 9-12.
2. Васильев В. А. Лингвистический поворот в философии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (768). С. 172-181.
3. Матвейчев О. А. «Лингвистический поворот» в философии XX века и проблема инфраструктуры философского текста // Современные гуманитарные исследования. 2016. № 3 (70). С. 56-76.
4. Еникеев А. А. Феноменология языка и герменевтика в пространстве гуманитарных наук XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 2. С. 17-21.
5. Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. –М.: Высшая школа, 2006. 375 с.
6. Еникеев А. А. Проблема чтения и письма в контексте поэтики и прагматики философского текста // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 122. С. 867-887.
7. Многообразие жанров философского дискурса. Коллективная монография: учеб. пособие / Е. Ю. Базаров, И. С. Бельский, А. А. Еникеев и др. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 276 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. 380 с.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. –М.: Кучково поле, 2014. 464 с.
10. Касавин И. Т. Проблема текста: между эпистемологией и лингвистикой // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 8. № 2. С. 34-57.
11. Касавин И. Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 46-57.
12. Рорти Р. Аналитическая и трансформативная философия // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 5-19.

13. Куренной В. Функции понимания в философии и методологии гуманитарных наук (На материале немецкой философии XIX – начала XX вв.) // Логос. Философско-литературный журнал. 2007. № 5 (62). С. 3-20.

14. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.

15. Куренной В. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. Философско-литературный журнал. 2004. № 3-4 (43). С. 3-29.

16. Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27-43.

17. Прагматика философского текста: материалы Всероссийской научной конференции XV Таврические философские чтения «Анахарсис» / под ред.: Зарапин О. В., Рыскельдиева Л. Т., Шапиро О. А., и др. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2019. 246 с.

18. Гадамер Х. -Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. 704 с.

19. Философия: учебник / М. И. Данилова, Л. С. Ембулаева, В. В. Плотников и др.; отв. за выпуск М. И. Данилова. – Краснодар: Новация, 2017. 410 с.

20. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. 612 с.

21. Апель К. -О. Трансформация философии. – М.: Логос, 2001. 344 с.

22. Никоненко С. В. Аналитическая философия: основные концепции. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 546 с.

23. Медведев Н. В. Философия Людвиг Витгенштейна и проблемы понимания других культур. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 382 с.

References

1. Enikeev, A. A. From Hermeneutics to the Philosophy of the Text: the Logic of the Development of Linguistic Philosophy of the 20th Century. // Society: Philosophy, History, Culture. 2018. No. 3 (47). Pp. 9–12.

2. Vasiliev, V. A. The Linguistic Turning-Point in Philosophy // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2017. No. 1 (768). Pp. 172–181.

3. Matveychev, O. A. The Linguistic Turning-Point in the Philosophy of the 20th Century and the Problem of the Infrastructure of the Philosophical Text // Modern Humanitarian Studies. 2016. No. 3 (70). Pp. 56–76.

4. Enikeev, A. A. Phenomenology of Language and Hermeneutics in the Humanities of the 20th Century // *Society: Philosophy, History, Culture*. 2018. No. 2. Pp. 17–21.
5. Gryaznov, A. F. Analytical Philosophy. Moscow: Vysshaya shkola, 2006. 375 p.
6. Enikeev, A. A. The Problem of Reading and Writing in the Context of Poetics and Pragmatics of a Philosophical Text // *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. 2016. No. 122. Pp. 867–887.
7. The Variety of Genres of Philosophical Discourse / Ye. Yu. Bazarov, I. S. Belskiy, A. A. Yenikeev et al. Yekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2001. 276 p.
8. Habermas, J. Moral Consciousness and Communicative Action. St. Petersburg: Nauka, 2001. 380 p.
9. McLuhan, M. Understanding the Media: Human External Extensions. Moscow: Kuchkovo pole, 2014. 464 p.
10. Kasavin, I. T. The Problem of the Text: Between Epistemology and Linguistics // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2006. Vol. 8. No. 2. Pp. 34–57.
11. Kasavin, I. T. Knowledge and Communication: to Modern Discussions in Analytical Philosophy // *Problems of Philosophy*. 2013. No. 6. Pp. 46–57.
12. Rorty, R. Analytical and Transformative Philosophy // *Philosophy Journal*. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 5–19.
13. Kurennoy, V. Functions of Understanding in Philosophy and Methodology of the Humanities (Based on the German Philosophy of the 19th and Early 20th Centuries) // *Logos*. 2007. No 5. (62). Pp. 3–20.
14. Rorty, R. Philosophy and the Mirror of Nature. Novosibirsk: Novosibirsk University Publishing House, 1997. 320 p.
15. Kurennoy, V. Notes on Some Problems of Modern Russian History of Philosophy // *Logos*. 2004. No. 3/4 (43). Pp. 3–29.
16. Mironov, V. V. Communication Space as a Factor in the Transformation of Modern Culture and Philosophy // *Problems of Philosophy*. 2006. No. 2. Pp. 27–43.
17. Pragmatics of a Philosophical Text: Materials of Anacharsis, XV Taurian Philosophical Readings, the All-Russian Scientific Conference / Edited by O. V. Zарapin, L. T. Ryskeldieva, O. A. Shapiro et al. Simferopol: Crimean Federal University, 2019. 246 p.
18. Gadamer, H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
19. Danilova, M. I., Yembulaeva, L. S., Plotnikov, V. V. et al. Philosophy: A Textbook. Krasnodar: Novatsiya, 2017. 409 p.
20. Wittgenstein, L. Philosophical Works: Part I. Moscow: Gnosis, 1994. 612 p.
21. Apel K.-O. Towards a Transformation of Philosophy. Moscow: Logos, 2001. 344 p.

22. Nikonenko, S. V. Analytical Philosophy: Basic Concepts. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2007. 546 p.

23. Medvedev, N. V. The Philosophy of Ludwig Wittgenstein and the Problems of Understanding Other Cultures. Tambov: Derzhavin Tambov State University Publishing House, 2009. 382 p.